

ВРЕМЯ И ДУШИ

Пьеса **Виктора Сергеевича Розова «Затейник»**, в отличие от многих других его пьес, повышенным спросом театров не пользовалась — ни в 60-х годах, когда была написана, ни сегодня, когда к нам возвращаются драматургические произведения Александра Володина, Александра Вампилова, Виктора Розова, Алексея Арбузова. Возвращаются совсем не случайно, потому что все, этими драматургами созданное, осознается нами как классика, не утратившая своего значения и для нас. Те, кому довелось видеть, помнят до сих пор спектакль **Театра им. Моссовета** в постановке **Ирины Анисимовой-Вульф**: **Геннадий Бортников** сыграл в нем не только Сергея Сорокина, но и Эдуарда — юного «розовского мальчика», протестующего против любой несправедливости, бунтующего против своей матери, предлагающей ему после того, как

сын женился на «не одобренной» ею однокурснице, обратиться в суд на предмет разделения квартиры.

В том спектакле соединились мотивы прошлого старшего и молодого поколений, продолжение очень важной для драматурга темы «розовского мальчика», столкновение настоящего с далекими годами, определившими сегодняшнее существование персонажей.

Кого-то смущает, когда эти пьесы, рожденные предоттепельной, оттепельной или позднеоттепельной порой именуют «советской классикой», и режиссеры в своих спектаклях нередко пытаются приблизить действие к нашим дням с помощью современного ритма, одежды, музыкального сопровождения. Зачем, можно спросить, они это делают? Ответ, на мой взгляд, прост — чтобы соответствовать нынешним нравам, моде, заимство-

Галина — В. Абрамова, Валентин — А. Суренский. Фото Ю. Ласкорунской

Сергей Сорокин — А. Пацевич. Фото С. Милицкого

ванной у европейского театра. Но на самом-то деле не исчезла, а в чем-то и сильно обострилась потребность зрительного зала в «слишком человеческом». Не вымученном, не искусственно взбадриваемом — в том обычном, из чего состоит и наша жизнь во всех своих проявлениях...

Александр Коршунов, чьи режиссерские пристрастия давно и уверенно сформированы русским психологическим искусством, поставил в **Московском драматическом театре «Сфера»** розовского «Затейника» именно так, как и во имя чего пьеса была создана драматургом: с обращением к событиям полуторадесятилетнего прошлого, что определили судьбу героев, и не стали для новых поколений зрителей невнятными. Ведь даже самому ни в чем не повинному человеку, не смотря на времена, не удастся скрыться от тюрьмы и от сумы, если так повернется судьба. Та самая всемогущая судьба,

что выступает нередко исключительно в человеческих обликах.

И дело здесь для режиссера не в политическом мотиве, который мог быть, а мог и не быть в жизни героев, среди которых нет второстепенных — все они главные в произошедших некогда и происходящих на наших глазах событиях.

Сергей Сорокин, сыгранный **Александром Пацевичем** с такой степенью углубленности, что от артиста невозможно отвести взгляд не только когда он говорит, но и когда молчит, когда просто умывает, тщательно намыливая руки и лицо, меняет весьма несвежую майку на тельняшку, пытается привести в порядок свое нехитрое жилище — некую комнатенку для хранения спортивного инвентаря, пьет чай... Перед нами человек, загнавший себя не просто в добровольные странствия по всей стране, чтобы скрыться от всемогущего чина прокуратуры, отца своего

Алексей Павлович — А. Алексеев. Фото О. Швецово

сокурсника Валентина. Одаренный студент, от которого все ждали большого будущего, скрылся, бросив родительскую квартиру на Арбате, когда его упростила бежать куда глаза глядят любимая девушка, Галина. Валентин (**Алексей Суренский** играет его роль выразительно и ярко от самого начала, когда перед нами — благополучный отдыхающий, до последнего момента, когда глаза его наполняются слезами не исчерпанного до конца чувства к жене), влюбленный в Галину, написал записку, что покончит с собой, если она не выйдет за него замуж и, скорее всего, специально оставил ее так, чтобы она непременно попала на глаза родителям. И тогда всемогущий чин вызвал девушку на свидание и объяснил ей, как она должна поступить, выяснив заодно имя и фамилию того, кого она любила. Испугавшись за Сергея (тем более что незадолго до этого посадили ее брата), Галина буквально умолила его исчезнуть. И он исчез.

А спустя полтора десятилетия встретился в сочинском санатории с отдохнувшим там Валентином. Эта встреча почти совсем опустившегося человека, работающего массовиком-затейником, на котором лежит и много других обязанностей — раздать инвентарь, спасти утопающих, развлекать курортников. Еще время от времени давать кому-то ключ от своей клетушки для тайных свиданий, получая за это бутылку водки. Чем и решил воспользоваться Валентин, пожаловавшись на холодность и равнодушие жены. Той самой Галины...

На протяжении всего первого действия на сцене перед нами два человека, которые разговаривают. Ничего не происходит до последнего момента, когда Валентин видит на тумбочке у раскладушки Сергея фотографию Галины с надписью и забирает ее себе, а Сергей пытается задушить его. Борьба завершается победой Валентина, сумевшего вывернуться из рук Сергея.

Эдуард — И. Мишин, Тамара — Е. Маркелова. Фото М. Львовой

Но важно совсем не это — больше часа перед нами разговаривают два человека, никаких событий не происходит, если не считать двух моментов: когда Сергей возвращается в свою комнату с авоськой, в которой бутылка водки, банка консервов и пара яблок, он останавливается на пороге, робко интересуясь, можно ли ему войти. И второй — выпив не без видимого удовольствия водки, Сергей рассказывает Валентину о встрече его отца с Галиной, которая и определила все дальнейшее. Ни на миг не изображает Александр Пацевич пьяного — это человек, у которого распахнулась неожиданно для него самого застегнутая на все пуговицы душа; он, подыгрывая на гитаре, поет «Из окон корочкой несет поджаристой...» так, словно возвращается в те далекие годы, в арбатскую квартиру, к Галине, и не слышит ни одного слова Валентина.

Они просто разговаривают, массовик-затейник, человек с переломанным хреб-

том, и благополучный «без пяти минут доцент», а зрительный зал буквально не дышит, вслушиваясь в каждое слово, потому что это — не игра, не некое действие, а фрагмент жизни, участниками которой становимся и мы. Вот уж воистину — по словам Вл.И. Немировича-Данченко, настоящий театр возникает тогда, когда есть два артиста. И даже коврик не обязателен. Театр сомьслия и сопереживания. Театр полного не зрительского, а личностного включения во все происходящее не в стремительной смене ритма ли, событий ли, а простого человеческого разговора. И лишь две составные нужны для этого — тщательнейший режиссерский разбор и высокое мастерство артистов...

Второе действие отличает обилие событий. Для московской квартиры, где обитают Валентин, его отец и Галина, художник **Ольга Коршунова** выстраивает почти стерильное, но по-своему уютное простран-

ство. Здесь прокурор на пенсии увлеченно играет в детскую железную дорогу (**Александр Алексеев** поистине блистателен в этой роли!), возвращается домой Галина (**Валентина Абрамова** играет сдержанно, но очень естественно, а каждая ее улыбка словно озаряет пространство не только подмостков, но и зрительного зала) с тортом и пачками книг — это вышел тираж учебника по русскому языку, написанный ею, школьной учительницей. Понятный зрителям, но непонятный обитателям квартиры нерв вносит вернувшийся из Сочи Валентин. И все шло бы, наверное, как и шло в этой квартире полтора десятилетия, если бы не ворвались сюда двоюродный брат Валентина Эдик со своей юной женой. И вместе с ними на подмостки врывается тема первых пьес Виктора Розова — мальчики и девочки, умеющие отстаивать свою самостоятельность, свое право на поступки. И какой же удивительной свежестью, юной силой и убежденностью в своей правоте дышат эти персонажи, сыгранные студентами Щепкинского училища (ученики Александра Коршунова, не только великолепного артиста и режиссера, но педагога по призванию) **Иваном Мишиным** и **Еленой Маркеловой!** И они кажутся нашими современниками, потому что молодое поколение сегодня свободно — пусть и не всегда в тех проявлениях, которых нам хотелось бы от них. Свободны — это главное...

Под воздействием непонятого ему самому чувства, Валентин не может больше сдерживаться: он рассказывает Галине, что будто бы узнал о смерти Сергея Сорокина, а потом признается, что встретился с ним и показывает жене фотографии.

Это становится для Галины той самой точкой, с которой необходимо начать оборвавшуюся когда-то жизнь с чистого листа — она уезжает к Сергею. И отец Валентина поддерживает невестку словами: «Пускай все развяжется...», осознав, что ее уход из дома — единственная возможность для него искупить совершенный когда-то грех, которым он с каждым годом наступающей старости мучился все

больше. Он оправдывает Сергея, в отличие от его сына, оставшегося человеком, пусть и прозябающим далеко от столицы. Но как сложится жизнь Галины с Сергеем? Сейчас, в эту минуту, она устремлена всеми помыслами и порывами к тому, кого не забывала ни одного дня своей жизни. А что будет дальше? Высшая справедливость восстановлена, но насколько зависит от нее высшее счастье, о котором грезилось?..

Мудрость Виктора Сергеевича Розова сказалась и в том, что он не позволил нам стать свидетелями встречи Галины и Сергея.

Пройдет еще несколько лет, и в пьесе «Кабанчик» Виктор Розов словами одного из героев определит существование Валентина: «Заплывает душа телом». Но у Селищева она не заплывала — на реплику «Время такое было», он с гневом против себя, бывшего всеильного прокурора, отвечает: «Время? А почему же другие чистыми-то оставались?.. Почему одни поганились, а другие — нет?»

Сестра Селищева, мать Эдика, в отличие от брата, осталась верна своим прежним убеждениям. **Ирина Мреженова** в отпущенном ей драматургом эпизоде убежденно и сильно создает образ «твердокаменной» женщины, для которой время неизменно, безоговорочен закон: младшие обязаны во всем слушать старших.

Ну а мудрость Александра Коршунова проявилась не только в том, что сильно, по-настоящему современно, но и по-розовски честно и чисто он вернул нам почти забытую прекрасную пьесу о выборе, который совершает каждый человек в любые времена. Но и в том, что Эдик в его спектакле — молодой человек нынешней эпохи, а не Сергей, каким он был когда-то. Для спектакля середины 60-х годов это было принципиально важно. Для спектакля конца второго десятилетия XXI века существеннее то, что вернуться в молодость и прожить ее по-другому невозможно.

Главное, чтобы не заплывала душа телом...

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ